

Модель — это приближение, но жизнь богаче

***В.И. Якунин,
доктор политических наук***

Во-первых, я испытал колоссальное удовольствие от того, как структурирован доклад, от его содержательности и презентации. Хочу поблагодарить докладчика за то ощущение, которое он рождает с точки зрения презентационности материала. Я не говорю сейчас о содержании, потому что оно едва ли может доставить удовольствие.

Вопрос, который я хотел задать, таков: если все это знать, то зачем жить? Это личный вопрос. Я сдержался и не задал его, он был бы слишком полемичным.

Когда Вы подчеркиваете, что в своем докладе уходите от политики, то Вы лукавите. Все, что Вы говорите и все, что делаете — это политика в самом чистом виде. Поверьте мне на слово, потому что даже та картина железнодорожного развития, которую Вы нарисовали, была нами использована, чтобы написать первую в современной России стратегию развития железнодорожного транспорта до 2030 г. Это, может быть, первый в отрасли прогноз долгосрочного развития. А развитие железнодорожного транспорта — это, безусловно, развитие и экономики, и социума, который сегодня называется российским обществом, а это тоже политика.

Какую проблему я чувствую и какие сомнения испытываю после того, как прослушал доклад? Практически все, за исключением исторической ретроспективы, что описывается математическими моделями, человек, лишенный всякой

математической подготовки, но не лишенный хотя бы сообразительности, наблюдает каждый день — выходя на улицу, заходя в правительственные кабинеты... Он, может быть, на количественном уровне не способен нарисовать эту кривую, но на качественном понять происходящее точно может. Когда моделями описывается то, что каждый видит сегодня и осязает на чувственном уровне, возникает опасность, что модель подгоняется. Не потому что исследователь — нечестный, а потому что таково свойство подкорки.

Нас в свое время учили, что мотивы человека другим человеком непознаваемы. И это правда. Однако специальными методами познание мотивов других людей все же возможно. Поэтому представленные модели, анализирующие прошлое и, возможно, перекидывающие мостик в будущее, я думаю, не абсолютны. Как человек с изначальным инженерным образованием, я тоже склонен абсолютизировать математические методы анализа. Не качественные, как это принято в гуманитарных науках, а именно количественные. Но в этом заключается большая опасность. Сколько существует мотивов, невидимых взаимосвязей, которые очень трудно положить в основу любой математической модели. Мне кажется, что если бы эта модель была применена к периоду перед самым началом Великой Отечественной войны, то анализ показал бы абсолютную бесперспективность этой войны для Советского Союза. Вы же хорошо знаете, сколько и чего производила Германия¹. А добавьте сюда еще всю Европу, которая была поставлена ей на службу. Ну никаких перспектив у СССР не было. Правда, А.И. Неклесса, когда мы об этом заговорили, нарисовал несколько связей, которые при этом могут оказаться за гранью анализа. Например, Перл-Харбор и совпадение с нашей Ржевской операцией. Операция союзников в Северной Африке и наша успешная операция и многое другое. Есть еще кое-что, что трудно представить,

¹ В литературе известны прямо противоположные анализы (ред.).

прогнозируя будущее, но вполне можно проанализировать, имея в виду анализ прошлого.

Мне представляется, что когда мы имеем дело с анализом социальной общности, общества или государства, все, что говорил докладчик о коррупции, о преступности и т. п. — все это, отчасти, правда. Почему отчасти? Потому что далеко не одни глупцы сидят наверху. И не все — коррупционеры.

Если Вы сейчас общаетесь с молодежной средой, то, я думаю, Вы, заметили очень интересную тенденцию: среди молодежи, которая воспитана в обществе, далеком от идеала, появляются молодые люди, которые по отношению к своей стране — к тому, что должно происходить, кем они хотят стать — мало чем ментально отличаются от нашего поколения. А мы ведь с искаженными мозгами — у нас была промывка мозгов, мы проходили коммунизм, проходили соответствующую подготовку. Многие — даже из сидящих здесь — были членами партии, а на прошлом семинаре и диссиденты бывшие были, хотя они сейчас мало чем отличаются от нас. У меня есть очень интересный товарищ: он с клеймом «бывший антисоветчик», отсидел за это 8 лет. Мы с ним близкие друзья. Был период, когда мы с ним морально находились по разные стороны баррикад, встретились уже в зрелом возрасте. И он, анализируя диссидентство 1990-х гг., говорил: «Если это демократы, если это борцы за свободу, то тогда, кто мы — вот те, которые сидели за это в лагерях?». Потому что это — не демократия, это — не борьба за свободу. Я почему об этом говорю? Потому что все равно, какой бы анализ мы не делали, он рано или поздно перед каждым из присутствующих здесь ставит вопрос: ты зачем живешь? Для чего ты делаешь эти модели? Для чего ты издаешь публикации и т. д.? Ответ может заключаться еще и в том, что *homo sapiens*, по всей видимости, по божьему промыслу (или кто-то иной заложил ему «чип») обладает удивительной способностью к самовыживанию. Это касается, прежде всего, общественно-го самовыживания. Мне кажется, было бы очень интересно,

если бы такие ученые, как Вы, сосредоточились, в том числе, на исследовании этой стороны человеческого сознания и, как следствие, — деятельности человеческого общества.

Но, еще раз повторю: я исключительно затронут Вашим докладом. У меня есть масса поводов, чтобы со многим не соглашаться, но это совершенно не означает, что мне не хотелось бы, чтобы эта работа продолжилась. Спасибо.